

ИГОРЬ ЛУКЪЯНОВ

МЕТРО — 2003 ГОД

Когда гламуристый народ —
Стране знакомые всё лица, —
Сплетясь в бесстыдный хоровод,
С размахом царским веселится —
В проходе стольного метро
В полубезумье алкогольном
Десантник спившийся Петров
Ползёт по грязи, как по полю.
Дым поражения над ним.
Резвятся богачи и бляди.
Ползёт солдат, ползёт к своим...
Своих — ни впереди, ни сзади.

ТРЯПИЧНИК

Сквозь японоразные вещички,
Что создал технический прогресс,
Вижу, едет уличный тряпичник
Из моих послевоенных мест.
Приезжал внезапно на телеге.
Открывал потёртый сундучок...
Сдашь утиль
и получи — не деньги,
А из глины расписной свисток.
Сдашь утиль —
и мячик сине-жёлтый,
Маленький, тугой —
в твоих руках...
Русского прогресса самолёты
Высоко гремели в облаках...

РОССИЯ — ДЕВЯНОСТЫЕ

Довольно лжи. Довольно маскарада.
Рвёт душу правда горькою слезой.
Смрад подлости, наживы и разврата —
Над православной праведной землёй.

Хохмят паяцы. Травят анекдоты
О том, чем ты гордилась и жила.
Молчат во мгле расхристанной свободы
Набатные твои колокола.

г. Борисоглебовск

ИРИНА КОМАР

МОЛОДЫЕ

И дым Отечества...
А. С. Грибоедов

Не могу на них смотреть,
Задыхаюсь от бессилья...
Все расчётливее смерть
Ставит молодость России
К стенке винного ларька
И палит наверняка.
Смерть на выдумки хитра —
То поманит, то обгонит.
Ишь, резвится детвора
На протянутой ладони!
Пыл её неукротим:
Всюду жаркий запах тленья,
Что им снится, молодым,
В приторном дыму забвенья?
Не хватало голосов,
Чтоб отпеть страну героев —
Героиновых басов
Хор отлажен и настроен!
И стенает серафим,
Прах в котомку собирая,
И струится сладкий дым
К золотым воротам рая.

* * *

За что такое? Что это такое?
Господень дар? О, Боже, не мани!
Верни мне состояние покоя,
Верни мне добродетели мои!

Мне тяжело, я плечи опускаю,
Кладу поклоны и, сплеча рубя,
Я от себя всё время убегая
И возвращаюсь в новую себя,

В которой нестерпимо зреет сила,
Выдерживаясь долго, как вино.
Спасибо тебе, Господи, спасибо,
Но всё-таки...
Спасибо всё равно!

г. Хабаровск

ИРЕНА СЕРГЕЕВА

* * *

Смотреть на лица молодые
русоволосых земляков
и думать: сколько у России
в запасе песен и стихов!

И говорок рязанский, псковский,
речей естественная статья,
и даже облик их неброский —
чтоб душу лучше понимать...

Смотреть на них и думать: снова,
где травы юные встают,
придут Кольцовы и Рубцовы
и песни новые спюют.

* * *

Ко Дню Победы распустился кактус —
в колючих листьях аленький цветок.
Про наши беды позабылось как-то,
но про победы он напомнить смог.

Да, всё же есть в том некий скрытый символ!
Я вижу танк, окопов смертный ров,
противоборство наше с вражьей силой,
колючки проволоки и пролитую кровь.

* * *

Город. Отели... Бордели.
Летний... Нева... Эрмитаж...
Мы ли врага одолели,
если теперь он не наш?

Мыли, скребли, разбирали...
И возносили мольбы...
Нет Ленинграда развалин —
только руины судьбы.

г. Ленинград

ВАЛЕРИЙ МУТИН

* * *

Леса, торфяники, поля,
Большак, зовущий в путь.
Мне силы давшая земля,
Благословенна будь
За то, что лишь в родном краю
Удачлив был в делах.
Люблю тебя. И в даль смотрю
Сквозь слёзы на глазах.

* * *

Дом заброшенный. Кладбище. Поле.
Быт крестьян, не способных на бунт.
Будто в прериях, бродит на воле
Лошадей одичавших табун.

Знать, дела у хозяина шатки.
Не сидеть ему больше в седле.
Безработными стали лошадки
На вконец разорённой земле.

Обмелевшие мёртвые реки.
Бесконечные вырубки. Рвы...
В двадцать первом губительном веке,
На сто первой версте от Москвы.

Ярославская обл.

ЛИДИЯ ПОЛЯКОВА

ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

Виноград. Олеандр. Кипарис.
Сладкий ветер персидской сирени.
Вверх ли, вниз ли — все вдаль! — не каприз:
Пальцы содраны, сбиты колени.

О, потери! Наплакавшись всласть,
Без кокетства, оборок и грима:
Власть дороги — всевластная власть! —
Фляга, посох и плащ пилигрима.

Изменившая русло река...
Странный пленник — не данник, не бранник —
(Ни срастись, ни сбежать — берега!)
Затаивший дыхание странник.

Корни вырваны. Как без корней?
Без могил, что дороже усадеб?
Здесь под травами земли черней,
А зимой — цвет серебряных свадеб.

Можжевельник. Боярышник. Ель.
Вьёт гнездо запоздалая птица.
Петь! Не плакать! Болезненный хмель:
Нет корней. У воды не напиться.

Недоверчиво и горячо,
Преклоняя в присяге колени,
Я целую калину в плечо
Под вуалью персидской сирени.

* * *

Берёза старая над низкою оградой.
Теплом глубинным розовела береста...
Твоей последней и единственной наградой
Была надежда православного креста.

Что стало памятью о женщине прелестной —
Давно ушедшей Марфе, бабушке моей?
Она была женой — рачительной и честной —
И матерью двух крепких сыновей.

Платочек белый из-под пёстрого покрыва
И сединой ещё не тронутый висок...
Как подходила к ней нарядная обнова —
В оборках кофта и узорный поясок.

Крестьянка русская минувшего столетья:
Красавица, хозяйка, ранняя вдова...
Как быстро полыхнуло жизни многоцветье —
Ведь жили краски, мысли, чувства и слова!

Скользнул с плеча конец лавандового шарфа.
К вечерне вновь позвал нас колокол в селе.
Ах, бабушка моя, исчезнувшая Марфа!
Я проросла тобой в Просечьенской земле.

г. Рязань

ВАЛЕРИЙ ГОРЯЧЕВ

* * *

Русская природа, ручка да тетрадь,
Да любимый томик — вот и благодать.
К островку надежды среди волн тщеты,
Подождав немного, приплывёшь и ты.

Русская природа, ручка да тетрадь,
Да любимый томик — вот она и рать.
Противу наживы, лжи и суеты
В гордой обороне сдвинула щиты.

* * *

Я список Ваших книг в блокноте
Пополнил новой, и ей,
Девятой, в твёрдом переплёте,
Был рад не меньше, чем своей.

Ну а потом была газета:
Похожие на горький вздох
Стихи, в которых книгой этой
Вы словно подвели итог.

И, метко пущенная к цели,
Уже найдёт её стрела.
Ночные соловьи отпели,
И весть печальная пришла.

И мнится: не случись оплошки
У Вас в стихах про твёрдый том,
Могли бы быть ещё обложки,
А в переплёт уже потом.

Но не умеем отчего-то
Мы изменить ни дат, ни строк.
И остаются переплёты,
А соловьи смолкают в срок.

* * *

Моё время бежит всё скорей и скорей
От песочниц моих и моих пескарей
До двухсотой беды, до трёхсотой вины,
До безрыбной воды, до бездушной страны.

Под двухсотой бедой я сгибаюсь, седой.
От трёхсотой вины мои мысли больны.
На мели пескарей не видать возле дна.
А страна без души и со златом бедна.

г. Пушкино

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

ПРОЩАНИЕ

Безмолвных птиц полёт
над тихую рекой.
Как за сердце берёт
высокий твой покой!

Твой путь исповедим
и сладок, как тоска.
Забрезжит синий дым
озимого клочка.

Холмы, холмы, холмы,
холодных гор гряда...
И тишь, и глушь зимы,
как будто навсегда.

О ПРОШЛОМ

...В нём, кроме бедности порока,
Был низкий домик над рекой
И Родина — вся от порога
И до границ была другой.
Была семьёй страна большая,
И без обид, не в тесноте
Жила от края и до края
В святой беспечной простоте.

г. Москва

РАМИЛЬ САРАНЧИН

ВЕЧЕРНЕЕ

Уже дневная кончена работа,
И с минарета вечер возвещён,
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы,
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины.
Но как печально светятся они!..

Густеет день, и наступает вечер.
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия плывут из темноты.

* * *

У России — осенний характер,
А у осени русские чувства...
Продымил сизым облаком трактор,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Серый дождик, с утра морозящий,
Отмывает в телегах капусту
И по лужам гуляет с гусями,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Под котомками гнутся старушки
И, спеша по домам по распутью,
Гулкий день перебранкой нарушат,
Чтобы не было в воздухе пусто.

г. Казань

ВЛАДИМИР МИКУШЕВИЧ

* * *

*...Или дремлешь под жужжанье
твоего веретена.
А. С. Пушкин*

Неохота нам из дома
Вечерами выходить;
Как болезненно знакома
Мне твоя живая нить!

Нить прочна, но не сурова,
Потому что ты нежна,
Не останемся без крова
Мы в худые времена.

В нашем доме каплет звонко
Даже мёртвая вода,
Ибо только то, что тонко,
Не порвётся никогда.

В тишине благоговейной
Час равняется нулю;
Я с твоей машинкой швейной
Вечность милую делю.

г. Москва

ВЛАДИМИР МАРТЕМЬЯНОВ

* * *

Привыкли к нищим.
Их теперь не счесть.
Коль мелочь есть,
бросаешь не вникая:
Кто на краю и очень хочет есть,
А у кого профессия такая.

Но, оказалось, в душах бреши есть:
Увидел, как сопливая девчонка
Кусок схватила,
 словно собачонка,
И сразу торопливо стала есть.

Земля качнулась.
Крепко сжались руки.
И жадно запросили автомат:
“Неужто мы теперь такие суки?!”—
В башке метался непрерывный мат.

“Мы, русские, гроза земного шара,
А наши дети с голодухи мрут?!”
Дожить бы мне, когда в чаду базара
Зашевелится грозный русский бунт.

* * *

Недлинным клином в северные веси
Летели журавли, домой спеша.
И к этим дивным птицам, в поднебесье,
Рвалась моя славянская душа.

Пусть тосковать по Родине не ново,
Там без меня то вьюги, то дожди.
А я застрял по жизни бестолково,
Так далеко, что лучше уж не жди.

Я по тебе грущу не очень часто:
Случается, в безделье, за вином,
Какой-то день разломится ненастно
И зацветёт рябина под окном.

Так захотелось беспокойной доли,
Но, видно, на роду судилось мне,
Чтобы я здесь, бессрочный узник воли,
Сидел в своей пожизненной тюрьме.

Живу давно в державе не богатой,
Но здесь друзья и вся моя семья.
...А журавли кричат, кричат крылато,
Летят туда, где Родина моя.

* * *

Приятный хриплый баритон,
Мелодия знакома вроде.
Старик играет в переходе,
И душу рвёт аккордеон.

Слепец, седая голова,
Без грима и аппаратуры,
Поёт от сердца, от природы
Давно известные слова.

У ног сидит серьёзный пёс.
Прохожие проходят строго.
Молчат, смущённые немного,
То ли от чувств, то ли от слёз.

Поёт так, кто душою чист,
Свою выкладывая душу.
Поёт про девушку Катюшу
И про осенний жёлтый лист.

Он, весь тут, рядом, визави,
Поет за хлеб, а не для славы.
Да так, что местные шалавы
Навзрыд вздыхают от любви.

АЛЕВТИНА КОРОБЕЙНИКОВА

ПОЛЯ

И мёдом пахнет и душицей.
И даль так празднично светла.
Поля с овсом. Поля с пшеницей.
Меж них дорога пролегла.
Лишь изредка, нырнув в низину,
Между пшеницей и овсом
Кометой пролетит машина
С огромным пылевым хвостом.
И я, беспечное создание,
От дел, от дум отрешена,
Спешу сюда, как на свиданье,
Где мир, покой и тишина.

Кировская область

КРИКОР МАЗЛУМЯН

КАВКАЗ МОЙ ДОМ

Кавказ мой дом. Мне все кавказцы братья.
И да хранит Господь наш общий дом.
Пусть вскинутые руки для объятия
Не станут для кого-нибудь крестом.

Я гордого приветствую аварца,
К гортанной речи я твоей привык...
И дай мне Бог с тобой не расставаться,
Двенадцатиплеменный мой адыг.

И друг мой непокорный, поседевший
Не только лишь от прожитых годов,
Чеченец буйный, словно Терек вешний,
Я и тебя приветствовать готов.

Абхазец мудрый! О тебе ли слово
Великой дружбы в сердце не найду?
Оно открыто и всегда готово
С тобой делить и радость, и беду.

Ингуш, лезгин... Да разве перечислить
Всех вас: калмык и верный осетин!
Весь с вами я: душа моя и мысли...
Богат я в мире тем, что не один.

Кавказ наш дом. Мне все кавказцы братья,
И дом у нас, и Бог у нас един.
А вскинутые руки для объятия —
Знак мужества для истинных мужчин.

ЮРИЙ АРБЕКОВ

ЛЕРМОНТОВ

Нависли низкие туманы
над белопенною Кумой,
с Кавказа в милые Тарханы
везут хозяина домой.
Везут друзья забавы юной,
друзья счастливейших минут,
когда Мишель
с ватагой шумной
“французский” штурмовал редут,
иль в пруд величественный барский
его ныряли моряки,
или отряд его гусарский
рубил крапивные полки...
О, детства милого забавы!
Друзья дано минувших лет!
Взгрустнув, вы, видит Бог, неправы:
Домой торопится Поэт.
Скрипит натруженно телега:
и путь далёк, и груз тяжёл...
Освободившийся от снега,
зазеленел широкий дол...
Ах, если бы в такую пору —
верхом
на резвом скакуне!
Какую дал бы он им фору
в чеченском стареньком седле,

каким бы вихрем он ворвался
в Апалиху,
 в семью друзей!
Со всеми бы облобызался
по-деревенски, без затей,
и снова, снова ногу в стремя.
Неси в Тарханы, верный конь!
Мы в бой ходили, было время,
повсюду полыхал огонь,
вертелся чёртом друг военный,
и пули не задели нас...
А нынче,
 гордый, но смиренный,
колено преклони в тот час,
когда бабуля,
 видя внука,
из дома выйдет не спеша...
Какая долгая разлука!
Как разрывается душа!
Нависли низкие туманы
над Милорайкою-рекой,
с Кавказа в милые Тарханы
свезли хозяина домой.
И в день апрельский
 в церкви новой,
на родине отпели чтоб,
поставив на века свинцовый
неприподъёмно-тяжкий гроб.

г. Пенза

БОРИС СВЕРДЛОВ

РУССКИЙ СОНЕТ

Юрию Щербакову

Я знаю: это просто Русь!
На крест святой перекрещусь
И посмотрю из-под руки
На храм старинный у реки.
Над ним дневные облака
Переплетаются пока,
Но тень сползает к ним с небес
На холм, на поле, и на лес,
И на речушку у камней,
Где дед таскает окуней.
Как никогда везёт ему —
Наловит полную суму
И не спеша пойдёт домой,
Где бабка ждёт... и домовой.

г. Астрахань